

Е.П. Ковалевский

Собрание сочинений

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.П. Ковалевский**
Собрание сочинений: Том 3 / Е.П. Ковалевский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 480 с.

ISBN 978-5-518-10864-6

Странствование по суше и морям, в 4-х частях, с биографическим очерком
и портретом автора

ISBN 978-5-518-10864-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О Г Л А В Л Е Н И Е.

3-го тома.

Е. П. Ковалевскій. Біографическій очеркъ П. М.	стр. 1
--	--------

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ ПО СУЩЬ И МОРЯМЪ.

Ч А С Т Ъ 1-я.

Предисловіе	21
Зюльма или женщина на востокѣ. (Ташкентъ).	22
Нессръ-Улла ханъ и Кучъ-беги. (Бухара)	36
Экспедиція на пути въ Бухару, и военная экспедиція, дѣйствовавшая противъ Хивы	46
Англійскіе офицеры въ Средней Азіи.	89
Военная экспедиція по забраннамъ льда у восточныхъ бе- реговъ Каспійскаго моря	103
Плѣнный персіянинъ. (Хива)	114

Ч А С Т Ъ 2-я.

Разсказъ Сипая. (Авганистанъ)	127
Землетрясеніе въ Кашемирѣ (1828 года)	145
Туркменецъ Рахманъ-Аязъ	158

	стр.
Поѣздка въ Кульжу	178
Реджитъ-Сингъ. (Лагоръ).	206

Прибавленіе:

Встрѣча съ Н. Н.	215
--------------------------	-----

ЧАСТЬ 3-я.

КАРПАТЫ.

Глава I.	241
Глава II.	272
Глава III.	296
Глава IV.	324
Глава V.	332
Глава VI.	342
Глава VII.	360

ЧАСТЬ 4-я.

Нижній Дунай и Балканы.

I. Общій очеркъ Европейской Турціи. Постепенное уничтоженіе турковъ и размноженіе славянъ. Булгары.	377
II. Посѣщеніе Булгаріи покойнымъ султаномъ. Система управленія раями. Общаны.	389
III. Нишскій пашалыкъ. Встрѣча съ турецкими солдатами и албанцами. Городъ Нишъ	399
IV. Корвинъ-градъ. Дели-градъ. Древности. Елена	409
V. Балканы.	418
VI. Запорожцы. Поль-Джонъ. Анекдотъ объ Екатеринѣ II. Казакъ Ивака	430
VII. Потемкинъ. Суворовъ. Плаваніе по Дунаю и Черному морю.	444
VIII. Первое впечатлѣніе по выходѣ на берегъ въ Константинополь.	451
IX. Константинополь каковъ онъ нынче.	457
X. Монументальный Константинополь	461
XI. Особенный влассъ людей портовыхъ городовъ	466
XII. Отъѣздъ изъ Константинополя	470

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

Биографическій очеркъ.

Въ жизни русскаго общества, съимпровизированнаго на европейскій ладъ, и все еще импровизируемаго, — въ этомъ вихрѣ быстро несущихся порядковъ, направленій, требованій и учрежденій, — дѣятели являются неожиданно, часто всего менѣе готовые, рѣдко годные, для предстоящей дѣятельности. Назначаемые съ-дѣтства къ прохожденію извѣстныхъ поприщъ, они обыкновенно ихъ-то и не проходятъ; вытвердивъ извѣстныя роли, они этихъ-то именно ролей и не играютъ, а являются совершенно въ другихъ, и принуждены ихъ импровизировать. При талантѣ это удастся, безъ таланта нѣтъ, если преданность или смѣлость всего не превозмогутъ; но во всякомъ случаѣ свѣжій умъ освѣжитъ рутину, и поможетъ иному — роль, которую онъ не знаетъ, сыграть гораздо лучше тѣхъ, кто вытвердилъ ее въ совершенствѣ... Какъ въ небогатой персоналомъ труппѣ, ему придется сыграть и не одну, а можетъ быть, нѣсколько ролей въ той-же пьесѣ... Тамъ, гдѣ умственный спросъ превышаетъ предложеніе, иначе и быть не можетъ.

Ег. П. Ковалевскій принадлежалъ къ разряду такихъ умовъ—быстрыхъ и воспримчивыхъ, растящихъ плоды на всякой почвѣ. Студентъ-словесникъ въ Харьковѣ, горный инженеръ на золотыхъ пріискахъ и заводахъ Сибири, дипломатическій агентъ въ Китаѣ, Черногоріи, Нубіи и Египтѣ; директоръ азіатскаго департамента въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и независимо отъ всего этого, а частію и благодаря этому,—даровитый литераторъ-путешественникъ и историческій писатель; наконецъ, главный дѣятель въ Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: вотъ тѣ роли и поприща, гдѣ суждено было Е. П. Ковалевскому оставить по себѣ слѣды, очень характерные и симпатическіе, оригинальные и живые, какимъ былъ онъ самъ. Много людей всякихъ развитій и народностей, подъ всякими градусами широты видѣли этого утлаго, худошаваго и скучающаго человѣка, какъ бы нѣхотя и съ трудомъ ворочавшаго языкомъ, съ виду ко всему равнодушнаго и слабого, и который, въ минуты, когда предстояло совершить то, что онъ себѣ поставилъ цѣлью, внезапно преобразался въ энергическаго дѣятеля, съ огненною рѣчью, съ несокрушимою волею и силою, даже физическою... Но начинался опять обычный ходъ жизни, скучный и безъ содержанія, и опять являлся немощный и лѣнивый человѣкъ, лѣниво отдѣлывающійся шутками и полусловами отъ пустыхъ разглагольствованій и споровъ. Только среда совершенно близкая ему по душѣ и по направленію всегда имѣла въ своемъ распоряженіи то особое добродушіе и тотъ полузадумчивый, но оттого еще болѣе разительный юморъ, которые отличали Ковалевскаго. Уроженецъ юга Россіи, онъ до конца сохранилъ на себѣ отличительныя черты своей родины, милые холмы которой, съ

ея дубовыми рощами, хуторками въ степи и стаями бѣлыхъ гусей на прудахъ, не удалось затмить въ его сердцѣ ни величавымъ красотамъ Бѣлаго Нила, ни стремнинамъ Алтая и Черной Горы... На обратномъ пути изъ Куби онъ приводилъ въ недоумѣніе своихъ земляковъ, увѣряя ихъ, что Малороссія гораздо лучше всего, о чемъ они его спрашивали. Каждое случайно услышанное мѣткое выраженіе на родномъ нарѣчій приводило его въ восторгъ неописанный: «ахъ, какъ это хорошо! говорилъ онъ, воспламеняясь,—ну можетъ ли что-нибудь сравниться съ этимъ!»

Егоръ Петровичъ родился въ 1811 году, въ тридцати верстахъ отъ Харькова, въ деревнѣ Ярошовкѣ, родовомъ имѣніи своего отца, почтеннаго екатерининскаго бригадира, уважаемаго, за стойкость правилъ и строгую жизнь, многочисленными родными и сосѣдями, которые всегда находили въ его уютномъ домѣ радушный пріемъ и готовый разумный совѣтъ. Младшій изъ пяти сыновей, и притомъ съ дѣтства болѣзненнаго сложенія, авторъ нашъ, по всѣмъ этимъ правамъ, былъ баловнемъ дома—сестеръ, братьевъ, отца и особенно матери, женщины неистощимой доброты и любви, на которую онъ и походилъ болѣе другихъ въ семействѣ. Патріархальность тихаго и небогатаго, впрочемъ совершенно достаточнаго, помѣщичьяго быта; приволье полей и садовъ; рассказы суетливой дворни, и особенно няни, о разныхъ таинственныхъ чудесахъ, происходящихъ въ темныя южныя ночи, иногда даже среди бѣлаго дня, въ старыхъ тѣнистыхъ аллеяхъ; жалобные крики совы на семейномъ кладбищѣ подъ серебрянными чащами тополей: вотъ обстановка дѣтства, имѣвшая неотразимое вліяніе на молодую душу Ковалевскаго. Не безъ серьезной ироніи, ему столько

свойственной, рассказывалъ онъ послѣ легенду о себѣ, созданную конечно воображеніемъ все той-же няни: какъ она пошла съ нимъ, ребенкомъ, въ садъ, какъ посадила на траву подѣ грушу, а сама полѣзла «трусить дули»; какъ она вдругъ услышала, что Лёленька заплакалъ, — смотреть, а рядомъ съ нимъ сидитъ другой Лёленька и тянется къ нему; какъ она спустилась скорѣе на землю и схватила ребенка — котораго, ужъ и сама не знаетъ, да ну бѣжать... и т. д. и т. д.

— Я увѣренъ, что она взяла именно не меня, а того другаго; оттого-то я и не похожъ ни на что, — прибавлялъ онъ съ уморительной серьезностью. Но и не шутя, расположеніе къ таинственному и чудесному сохранило надъ нимъ власть до старости. Предсказатели и гадальщицы находили въ немъ своего посѣтителя. Правда, онъ тутъ-же съ несравненнымъ комизмомъ передавалъ ихъ пророчества и свои собственные ощущенія, когда ему приходилось продѣлывать разные испытанія, въ родѣ нюханья съ пророками табаку, питья чаю и т. п. Восторженная религіозность дѣтства, — плодъ домашней обстановки, въ немъ продержалась не долго. Въ голубомъ воротникѣ студента онъ еще молился горячо: близость и частыя посѣщенія родного крова, тревоги и неизвѣстность экзаменовъ поддерживали въ немъ эту потребность. За нею показалась другая — потребность выливать душу въ размѣренныхъ звукахъ и образахъ, и вотъ, уже на студентской скамейкѣ, задумана и начата цѣлая трагедія, оконченная впоследствии и напечатанная подѣ названіемъ «Марѳа, посадница Новгородская, или Славянскія жены». Единственные экземпляры этой библиографической рѣдкости сохранились въ семействѣ автора. Небольшая книжка, писанная бѣлыми стихами, съ посвященіемъ траге-

дія, прозою, памяти Озерова, интересна только какъ первый опытъ будущаго писателя и иного значенія не имѣеть.

Окончанію курса въ университетѣ предназначено было дать новый оборотъ жизни молодаго человѣка. Отправленный въ Петербургъ, къ своему брату, который былъ двадцатью годами его старше и имѣлъ самостоятельное служебное положеіе, онъ скоро послѣдовалъ за нимъ въ далекую Сибирь—на Алтай, куда послѣдній былъ назначенъ главнымъ горнымъ начальникомъ. Евграфу Петровичу Ковалевскому, впоследствии министру народнаго просвѣщенія, а тогда дѣльному горному инженеру и умному администратору, не оставалось ничего другого, какъ пустить своего меньшаго брата по пути, на которомъ онъ могъ руководить его. Скоро молодой студентъ, облеченный въ форменную одежду горнаго человѣка, уже работалъ на золотыхъ пріискахъ, и плодомъ новыхъ ощущеній въ дѣвственныхъ тайгахъ полудикаго края былъ очеркъ жизни золотопромышленниковъ и рабочихъ, напечатанный въ «Библіотекѣ для Чтенія» и замѣченный въ свое время по мѣткости описаній и наблюдательности. Тощая брошюрка стихотвореній, «Сибирь—Думы», написанная въ тѣхъ же пустыняхъ, подъ шумъ Иртыша и Оби, осталась, вмѣстѣ съ «Марею посадницею», свидѣтельствомъ того, что ни драма, ни стихи не были удѣломъ Ковалевскаго. Послѣднихъ онъ и не пытался писать болѣе; но къ драмѣ еще разъ вернулся, уже въ развитіи своего литературнаго таланта, — не съ большимъ однакожь успѣхомъ. Это была пьеса въ прозѣ, изображавшая судьбу свѣтскаго мота, обѣднѣвшаго и всѣми покинутаго, но у котораго достало воли—въ глуши золотыхъ пріисковъ, собственными усиліями и трудомъ, по-

правиться, разбогатѣть и явиться мстителемъ въ преж-
нее общество за свое временное уничтоженіе. Драма пред-
назначалась для сцены, даже разучивалась, и главную
роль, съ горячими монологами, долженъ былъ играть Ка-
ратыгинъ,—обстоятельство особенно пугавшее автора.

— Какъ я только подумаю, говорилъ онъ, что Кара-
тыгинъ примется кричать это на весь театръ, — такъ-бы
вотъ и взялъ назадъ пьесу.

И точно, онъ ее взялъ, а рукопись уничтожилъ; та-
кимъ образомъ она не появилась и въ печати.

Случайно попавъ на дорогу горнаго инженера, Кова-
левскій былъ выведенъ ею также неожиданно и на дру-
гое поприще, поприще дипломатическое, гдѣ врожденные
таланты и энергія выдвинули его скоро на видное мѣ-
сто. Какъ горный инженеръ, онъ былъ командированъ
въ 1839 году въ Черногорію, для развѣдки золота и обу-
ченія туземцевъ промыскъ его. Но при условіяхъ, какія
тогда сложились, не одна эта цѣль была достигнута: мо-
лодой, горячій, симпатическій русскій, поэтъ въ душѣ,
и такой же молодой и горячій, поэтъ уже на дѣлѣ, вла-
дыка Черногоріи, Петръ Негожъ, воспитанный въ Рос-
сіи, близкій ея нравамъ и интересамъ, — не замедлили
сойтись тѣсно и дружески—не какъ представитель могу-
щественнаго народа и государь маленькаго племени, но
какъ сходится только молодость. Они дѣлили досуги и
труды, читали, декламировали Пушкина и вспоминали
милую имъ обоимъ далекую страну. Патріархальные се-
наторы и весь патріархальный людъ Цетиньи и горы
смотрѣли на обходительнаго и всему сочувствовавшаго,
чему они сами сочувствовали, русскаго, какъ на своего...
Какой-то первобытный миръ и тишина охватили душу
молодаго путешественника: «мнѣ кажется, будто я опять
въ Малороссіи—въ Ярошовкѣ», писалъ онъ роднымъ.

И вдругъ въ невозмутимыхъ горахъ разразилась военная буря: исконные враги черногорцевъ, австрійцы, вторглись въ эти священные горы и подняли на ноги всѣхъ, отъ старика до отрока. Ковалевскій, какъ не чужой, былъ принужденъ (и, конечно, не жалѣлъ о томъ) взять также ружье и карабкаться вмѣстѣ съ горцами по стремнинамъ, преслѣдуя скоро разбѣжавшагося врага. Тутъ начинаются трудности положенія нашего героя: упоенные побѣдою смѣльчаки, не сознавая того, что они сильны только подъ защитою этихъ природныхъ стремнинъ, и непобѣдимы своимъ умѣньемъ карабкаться по нимъ, вздумали перейти въ наступленіе и перенести войну въ Австрію.

— Пусть русскій капитанъ насъ ведетъ туда! кричали они.

И не было никакой возможности вразумить ихъ ни въ томъ, что идти въ Австрію безумно, ни въ томъ, что русскому капитану вести ихъ туда просто преступно.

— Русскій царь для того и послалъ тебя, чтобъ ты за насъ заступился! шумѣла толпа, — веди на австрійковъ!

Дѣло доходило даже до угрозъ... Не легко, и то подъ условіемъ перевѣшать плѣнныхъ австрійцевъ (между ними были и офицеры), склонились черногорцы на миръ, котораго они не хотѣли заключать безъ личнаго ручательства Ковалевскаго.

— Пускай подпишетъ капитанъ! говорили они: его австрійки не посмѣютъ обмануть, а насъ обмануть.

Капитану горныхъ инженеровъ приходилось стать главнокомандующимъ, тракующимъ о мирѣ...

Австрійскія, а за ними и всѣ европейскія газеты, конечно, не преминули раздуть эпизодъ этотъ чуть не во вмѣшательство русскаго капитана въ международныя дѣла дружественной державы, и онъ едва не поплатился за

него своими эполетами... Времена были не особенно ласковыя, и только искреннее и совершенно правдоподобное изложеніе всего дѣла, какъ оно дѣйствительно было, а не такъ какъ хотѣли увѣрить, что оно было,— въ особой запискѣ, поданной вѣнскому нашему послу самимъ виновникомъ, смѣнило гнѣвъ на милость и расположило въ его пользу государя, который даже пожелалъ видѣть Ковалевскаго лично по возвращеніи его въ Петербургъ. Вывезенный имъ маленькій черногорецъ, сынъ одного изъ сенаторовъ, для воспитанія въ Россіи, былъ допущенъ также въ Аничкинъ дворецъ, и оба были приняты милостиво.

— Ты въ какую службу хотѣлъ бы? спросилъ императоръ черногорца.

— Въ такую, какъ капитанъ! отвѣчалъ тотъ рѣшительно.

— А въ такую, какъ я, не хочешь? продолжалъ Николай, указавъ на свой гвардейскій мундиръ.

— Не хочу—у капитана лучше.

Послѣ этого онъ былъ опредѣленъ въ Горный Институтъ, на казенный счетъ, гдѣ однако отличился болѣе на разводахъ, чѣмъ въ классахъ. Настоящее свое призваніе нашолъ онъ на Кавказѣ.

Поѣздка въ Черногорію рѣшила однажды навсегда дальнѣйшее направленіе жизни Ковалевскаго: въ литературѣ первую книгу его, замѣчательною критикою и публикою, были «Четыре мѣсяца въ Черногоріи»; на поприщѣ служебномъ—дорога дипломатическая открыла ему двери, и съ этихъ поръ не было той щекотливой, трудной или отдаленной командировки, для исполненія которой не прибѣгали бы къ нашему горному инженеру. Затѣять-ли экспедицію въ Бухару, или зимній походъ въ Хиву,—